

Альбина Скородумова

БОСИКОМ
ПО ОБЛАКАМ

ЛЕДИ-ДЕТЕКТИВ



Леди-детектив (Вече)

Альбина Скородумова

Босиком по облакам

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

Скородумова А. Ю.

Босиком по облакам / А. Ю. Скородумова — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Леди-детектив (Вече))

ISBN 978-5-4484-4988-8

Когда рутина накрывает с головой, в личной жизни длительный простой и полное отсутствие перспектив, да и одиночество уже наступает на пятки, Юлии Нечаевой приходит письмо от незнакомки из неизвестного города Сосновска. Некая дама сообщает о том, что она стала наследницей маленькой квартиры и большого семейного архива своей родной тетушки, о существовании которой даже не подозревала. Юля принимает решение поехать в этот город, и тут начинается самое интересное. В жизни больше нет места скуке и одиночеству, на смену им приходят приключения, которые начинаются уже у трапа самолета, перенесшего ее из размеренной жизни в водоворот невероятных событий и встреч. Девушке через многое придется пройти, чтобы понять, зачем судьба устраивает ей нелегкие испытания с непонятными целями...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-4988-8

© Скородумова А. Ю., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

От автора	6
Привет из прошлого	7
А его и Митькой звали	11
Ацтекский заговор	14
Крутой парень Тамара	19
Мы поедem, мы помчимся...	23
Дом, милый дом	27
Двое из ларца, одинаковы с лица	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Альбина Скородумова

Босиком по облакам

© Скородумова А.Ю., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2025

От автора

Начиная работу над книгой «Босиком по облакам», я хотела окунуться в прошлое – перенестись в далекий край моего детства, оказаться там самой и пригласить читателей в маленький, тихий городок, затерянный в алтайских горах, где, несмотря на спокойный, провинциальный уклад жизни порой случаются удивительные истории.

Истории разные – пропитанные романтикой, иногда нежностью и легкой грустью, а бывают и такие, что вполне тянут на приключенческий детектив с криминальным сюжетом. Ведь это только на первый взгляд кажется, что жизнь, полная приключений и страстей, кипит где-то в мегаполисах. Поверьте, в небольших городах хватает и страстей, и приключений. И люди там живут замечательные. Вот о них-то мне и захотелось рассказать.

Город Сосновск, в котором живут персонажи книги и где разворачиваются основные события, нет смысла искать на географической карте. Его не существует, зато в реальной жизни есть подобные ему небольшие города и селения, расположенные в бассейне реки Бухтармы, в каждом из которых могла бы случиться подобная история. Исторически сложилось так, что в этих местах, на небольшом уголке земли, затерянном в горах, всегда что-то происходило.

Когда-то его населяли вольные «бухтарминские каменщики» – люди, которые жили за «Камнем». Так местные жители называли труднопроходимую местность, лежащую за Бухтармой, а именно богатые рудой Алтайские горы. В основном здесь жили беглецы – те, кто скрывался в горных местах от притеснения властей. Само понятие «каменщики» возникло на рубеже XVIII–XIX веков и довольно долго бытовало в этих краях. История их появления связана с разработкой рудных месторождений и искателями Беловодья – страны, где живет вольготно и счастливо. Туда как раз и стремились попасть «бухтарминские каменщики» в надежде на лучшую жизнь. Удалось ли кому-то попасть в это заветное место, неизвестно, но мифов и легенд о загадочном Беловодье и по сей день существует огромное количество.

Люди, живущие здесь испокон веков, к мифотворчеству относятся спокойно, как к само собой разумеющемуся явлению. И к интересу многих знаменитых людей – ученых, путешественников, живописцев, посещающих эти места и восторгающихся ими, – тоже. Они просто живут своей жизнью, попадая иногда в круговорот незаурядных событий, требующих от них смекалки, мужества и находчивости. Как и у их предков, поселившихся когда-то в этих удивительных местах.

Когда я писала книгу, то позволила себе некоторые вольности в связи с историей пребывания здесь известных людей – какие-то исторические события происходили в действительности, а некоторые, возможно, могли бы произойти, но являются вымыслом. Надеюсь, перелистнув последнюю страницу книги, моим читателям захочется поближе познакомиться с историей этого удивительного края, узнать как можно больше о том, чем же привлекает путешественников загадочный Алтай.

И, если повезет, воочию увидеть облака, плывущие под ногами.

События, описываемые в романе, не происходили в действительности. Любое совпадение с реальными местами, как и сходство персонажей с конкретными людьми – абсолютно случайно.

Привет из прошлого

Аромат цветущей под школьными окнами сирени не давал никакой возможности сосредоточиться – околдовывал, очаровывал и отвлекал от работы. Каждый год, с наступлением мая, в Петербурге устанавливается самая благоуханная пора: распускается душистая белая черемуха, на смену ей приходит сирень, запах которой оказывает просто магическое действие на людей, потом зацветают каштаны и все... Работоспособность, которая именно в этот период времени Юле особенно нужна, испаряется, как корпоративный коньяк из матовой колбы, хранящийся в потайном шкафчике в кабинете химии. Лекарство на случай снятия стрессов. Куда испаряется коньяк, более или менее понятно – в необъятное вместилище пицци и напитков преподавателя географии Геннадия Ивановича Бревнова, видимо, наиболее других подверженного стрессам. А вот работоспособность исчезает бесследно...

Чудесная благоуханная пора совпадает с самым сложным периодом в работе – окончанием учебного года. Вместо того чтобы наслаждаться скоротечной красотой цветущего города, вдыхать ароматы цветущих кустарников и гулять по петербургским набережным в ожидании белых ночей, приходится усиленно трудиться.

Юлия Сергеевна решительным шагом подошла к окну, посмотрела на огромный, разросшийся до невероятных размеров куст сирени, глубоко вдохнула любимый аромат и плотно прижала пластиковую раму, повернув ручку до упора. Чтобы от сиреневого соблазна не осталось и следа: на столе ее дождалась стопка тетрадей с сочинениями, которые необходимо проверить до завтрашнего утра.

«Печорин был тем человеком, на которого я бы хотел быть похожим. Он был честен со всеми, кто его окружал, в особенности с женщинами. Наверное, поэтому они были от него без ума, а он – лишь снисходителен с ними. Печорин – это мой герой. А образ Грушницкого, как раз напротив, вызывает у меня чувство легкого разочарования. Он невыразительный, неинтересный, одним словом – ни-ка-кой».

Юля закрыла тетрадь умника Кошкина... Ни-ка-кой! А сам-то ты, юный гений, что из себя представляешь, что Артем Кошкин подавал большие надежды в точных науках – математике, информатике, физике, да и писал практически без ошибок, она никак не могла понять его и принять в своем любимом 9 «Б». Возможно потому, что тот чем-то напоминал ей Нео из «Матрицы» – надменный подросток, с высоко поднятой головой, одетый в брендовые вещи исключительно черного цвета, неулыбчивый и молчаливо-сдержанный. Он словно наблюдал за жизнью в их классе, но сам не принимал в ней никакого участия. Кошкин вызывал у нее, как у классного руководителя, чувство легкой досады. Скорее всего, из-за полного равнодушия, которое проявлял по отношению к одноклассникам. А вот теперь ему еще и бедный Грушницкий не угодил.

Конечно, это не педагогично – рассуждать, кто из учеников тебе нравится, а кто нет. Для настоящего педагога все они должны быть одинаковы. Так, собственно, и было, но вот Кошкин, пришедший в ее родной класс только этой осенью, оставался в нем инородным телом. Мужская часть 9 «Б», классное руководство которым Юлия Сергеевна Нечаева вела уже четвертый год, к этому парнишке тоже не особенно прониклась симпатией, а вот женская... Девчонкам он нравился – все они единогласно признали Кошкина самым крутым в классе. Тот факт, что другие подростки неохотно контактировали с ним, Кошкина, похоже, совершенно не беспокоил. Он был вполне самодостаточным: на одноклассников смотрел снисходительно, словно терпел их присутствие рядом с собой, ни к кому в друзья не набивался, ни с кем не дружил. И ни на одну из девчонок, а среди них было немало достойных, не обращал внимания. И ведь он действительно на Печорина похож...

Решив, что за грамотность поставит Кошкину пятерку, а за раскрытие темы – четыре, Юлия Сергеевна дополнила оценку лаконичным комментарием: «Тема раскрыта не до конца». После такого «замечательного» сочинения ей захотелось выпить чашечку нежнейшего латте из недавно подаренной на день рождения кофемашины, но оставшиеся восемь тетрадок оттягивали этот счастливый миг еще на час, а то и больше.

Чтобы немного передохнуть от прочитанных сочинений, она решила позвонить дочке. Ксюша уже вернулась из школы, надо было дать ей ценные указания по поводу обеда – что на какой полке холодильника находится. Зная любовь своей сверхзанятой дочки к кулинарному минимализму – два бутерброда и стакан сока в любое время дня и ночи, – она старалась каждый день напоминать ей, что нужно съесть на обед. Сегодня ее дожидались макароны с котлеткой, любовно приготовленные мамочкой с вечера и помещенные на вторую полку холодильника.

Но, похоже, с указаниями она опоздала: Ксюшка ответила ей с набитым ртом:

– Мамулькин, купи еще такой колбаски. Просто объедение.

– А котлетки, между прочим, ничуть не хуже. Твои любимые, куриные. Только их разогреть надо.

– Их я оставила на вечер. Греть мне некогда, а холодные они не очень вкусные. Так что я дождусь тебя. Да, ма, тут тебе какое-то толстенное письмо пришло от Н. Е. Величкиной. Знаешь такую?

– Впервые слышу. А откуда письмо?

– Из Сосновска.

– Странно... Положи на видное место, вечером прочитаю. Все, пока, меня еще восемь сочинений ожидают.

– Ну тогда до встречи в лаунж-зоне.

В трубке раздались короткие гудки. Да, лаунж-зону (любимый, потертый до неприличия, но очень удобный диван с висящей напротив «плазмой») очень захотелось посетить, но... Юлия потянулась за следующей тетрадкой, удивляясь тому, что ей пришло письмо из неведомого города Сосновска.

Вообще-то про него она слышала от своей матери, пока та была жива – в этом городе та родилась и провела детство. Но после ее смерти прошло больше пяти лет, Юлия уже и думать забыла о Сосновске, и тут вдруг появляется какая-то Н. Е. Величкина. Заинтригованная, Юлия решила поскорее расправиться с ни в чем не повинными сочинениями, и прочитать наконец письмо незнакомки.

Любые упоминания о Сосновске вызывали у Юли смешанные чувства – страха перед неизведанным (все, связанное с жизнью мамы до появления Юли, было покрыто толстым слоем неизвестности) и опасений, что тайна эта окажется весьма неприятной, а или того хуже, с каким-нибудь криминальным подтекстом.

«Дорогая Юлия, здравствуйте! Вы меня совершенно не знаете, а я с Вами немного знакома – заочно. Дело в том, что не так давно скончалась Ваша родственница Маргарита Витальевна Соболевская, точнее сказать – тетушка, старшая сестра Вашей мамы Виктории Витальевны Соболевской. После нее осталось много вещей, бумаг и документов и, конечно, квартира с неплохой обстановкой. Все свое имущество она завещала Вам. Так как я была ее самой близкой подругой, она перед смертью просила связаться с Вами после того, как она уйдет, все-все вам рассказать и передать. Юлечка, очень Вас прошу – найдите возможность приехать в Сосновск в ближайшее время. Я уже очень немолода, здоровье меня иногда подводит, а в последнее время все чаще и чаще, очень бы хотелось встретиться Вас в добром здравии и в светлой

*памяти, а не лежа на больничной койке. О своем решении напишите мне или лучше позвоните. Очень жду от Вас весточки.
С уважением, Наталья Евгеньевна Величкина».*

Далее был указан подробный адрес и телефон. Неожиданно, но вполне закономерно. В глубине души Юля всегда знала, что когда-нибудь кто-то из родственников ее мамы непременно проявится. Так оно и случилось, вот только родственница недавно умерла, а в гости приглашает ее подруга. Отложив письмо, Юля стала соображать, как скоро она сможет вырваться к этой женщине. Судя по манере письма, явно не очень молодой и хорошо воспитанной. До начала каникул оставалось три недели, у них с Ксюшей была намечена поездка в Калининград, но, судя по всему, придется ехать совсем в другую сторону.

Письмо неведомой Н. Е. Величкиной всколыхнуло уже подзабытые вопросы, которые ее так часто волновали в детстве – почему она никого не знает из маминой родни? Все, что Юле было известно о юных годах своей мамочки: в девичестве она была Соболевской и родилась в далеком, богом забытом Сосновске, откуда ее увез папа. Все разговоры о том, где живут мамыны родственники и почему они никогда не приезжают к ним в гости, мама пресекала на корню, всякий раз переводя разговор на другую тему.

У Юли были бабушка Люся и дедушка Ваня – родители ее отца, которых она очень любила и которые отвечали ей тем же – обожали, баловали и лелеяли. Этой любви Юле было достаточно, отсутствие других дедушки и бабушки не ощущалось как что-то неправильное. Но с годами Юля стала понимать, что у мамы тоже должны быть мама и папа, с которыми хотелось бы познакомиться. Но когда она заявила маме об этом желании, та просто пожала плечами и сказала: «Юлечка, я совсем не помню своих родителей. Их просто нет. Вот так уж получилось. Смирись с этим, и давай закроем эту тему».

Будучи интеллигентной и воспитанной девочкой, Юля так и сделала. К маме она больше не приставала, а у других дедушки и бабушки, пока те были живы, спрашивать не решалась. Папа никогда не отличался особой разговорчивостью, да если и заводил с Юлей разговор, то в основном об ее успехах в школе. Он был намного старше мамы – на целых семнадцать лет, дома находился крайне редко, все время пропадал на работе или в разъездах. Папа – известный ученый-гидростроитель, часто уезжал на много месяцев в командировки, в одной из которых внезапно умер от инфаркта. Папина работа была для Юли главным врагом – его нельзя было отвлекать от РАБОТЫ, он подолгу отсутствовал дома из-за РАБОТЫ, и причиной того, что в жизни Юля была столького лишена, по ее мнению, была исключительно РАБОТА. Даже когда Юля только поступила в Педагогический институт имени Герцена на филологическое отделение и очень ждала возвращения отца из затянувшейся командировки, между ней и отцом снова неодолимой преградой встала РАБОТА. Юля так и не смогла показать ему свой новенький студенческий билет. Не успела. Отец умер не в собственном доме, окруженный родными и близкими, а на РАБОТЕ.

После смерти отца в ее жизни все круто изменилось. Мама как-то сразу сникла – из веселой хохотушки превратилась в замкнутую женщину, сменила изысканный гардероб на черные вдовьи наряды и зачастила в Никольскую церковь. Юля много раз пыталась заговорить с ней об отце, но мама смотрела на нее глазами затравленного зверя и коротко отвечала: «Не сейчас. Как-нибудь потом...» Но это «потом» так и не наступало. Спустя несколько месяцев после похорон – торжественных, которые коллеги отца организовали по высшему разряду, – мама окончательно замкнулась в себе.

О существовании дочери-студентки она почти забыла, ограничиваясь только приготовлением ужина. Придя с работы и едва перекусив, она уходила в свою комнату, где долго молилась и читала религиозную литературу. Все выходные мама проводила в церкви или на кладбище, где часами могла сидеть на могиле отца. Едва достигнув пенсионного возраста, ушла с работы, прекратила всякую светскую жизнь и полностью ушла в лоно церкви. Ездил в палом-

нические поездки по всей стране, иногда пропадала на несколько недель, изредка, по телефону напоминая дочери, что жива, здорова, находится там-то или там-то. Благо, денег после смерти отца осталось достаточно. Юле на жизнь хватало, а мама стала обходиться сущими копейками.

Впрочем, такое положение дел вовсе не тяготило Юлю – ее полностью захватила студенческая жизнь. Быть студентом в Петербурге – это вечный праздник, прерывающийся только с наступлением сессии, да и то на несколько недель. Отсутствие матери она компенсировала веселыми студенческими вечеринками у себя дома. Подруги были невероятно довольны наличием свободной квартиры, где можно классно потусить, а иногда даже остаться переночевать. Конечно, все было в пределах разумного. Несмотря на полную и абсолютную свободу, Юля оставалась приличной девушкой. В течение семестров она старательно училась, много читала, любила заниматься в библиотеке; все экзамены и зачеты, как правило, сдавала с хорошими оценками. А уж после сессии, конечно, могла позволить себе немного отдохнуть. Всегда с большим трепетом Юля ждала приближения 25 января, Дня Татьяны, покровительницы студентов. В этот день у нее на квартире обычно проходила большая вечеринка. Татьянин день она называла днем больших надежд, правда, не всегда оправдавшихся.

А его и Митькой звали

Как-то после одной шумной и многолюдной вечеринки Юля обнаружила в своей постели симпатичного светловолосого парня, крепко спящего на двух ее подушках. Откинув одеяло, она обнаружила, что на ней из одежды остался только капроновый носок на левой ноге и футболка, остальные ее вещи вперемешку с мужскими разбросаны по комнате. Парень открыл один глаз, показавшийся Юле невероятно красивым, и сонным голосом произнес: «С добрым утром, принцесса». Затем, перевернувшись на другой бок, он снова провалился в сон.

Некоторое время Юля смотрела на этого прекрасного юношу, пытаясь вспомнить – кто он и как оказался в ее постели. Но, увы, вспомнить так ничего и не удалось. Выскользнув рыбкой из постели, Юля решила проверить, есть ли в квартире кто-нибудь еще, но обнаружила в гостиной страшный беспорядок, гору грязной посуды в раковине и больше десятка пустых бутылок, валяющихся на полу по всей квартире. Да, похоже, вечеринка удалась.

Проснувшись, незнакомец повел себя более чем странно: он попросил кофе и завтрак, а когда выяснилось, что завтрака нет, стал собирать бутылки и мусор, после чего принялся мыть посуду. Юля, которая ни разу не видела своего отца, стоящего у раковины с мыльной губкой в руке, очень удивилась. Ей понравился этот симпатяга, по-хозяйски командующий на ее кухне. Юле хотелось узнать хотя бы его имя, но спросить напрямую она никак не решалась. Парень сам пришел ей на выручку:

– Кстати, а как тебя зовут? Нас вроде бы вчера знакомили, но я уже забыл.

– Меня зовут Юля, а тебя?

– Ага, значит, ты тоже ничего не помнишь?

– Абсолютно ничего.

– Бывает. Я – Дмитрий, можно Митя.

Неожиданно Юле пришла в голову поговорка – «А его и Митькой звали», про мужчин, которые мгновенно исчезают, когда в них появляется необходимость. Вспомнив эту поговорку, девушка вдруг рассмеялась, да так громко, что и Дмитрий не удержался. Его обаятельная улыбка и заразительный смех так располагали к себе, что Юлька рассказала ему, что ее так насмешило.

– Нет, я не такой. Как раз наоборот – сверх всякой меры порядочный. Всегда предлагаю свою помощь, даже когда она не требуется. Вот все твои друзья разошлись после вечеринки, оставив после себя весь этот бедлам, а я остался, чтобы тебе помочь с уборкой.

– Действительно, это поступок... Тогда не понятно, почему ты оказался в моей постели?

– Очень даже понятно – я не знал, где взять одеяло и подушку. А у тебя на кровати сразу две подушки и тепленькое мягкое одеялко. Да, кстати, а зачем тебе две подушки? Ты что, не одна спишь?

– Вообще-то для удобства. Я, знаешь ли, люблю раскинуться, ворочаюсь с боку на бок... То есть ты ко мне из-за подушки лег? А почему разделся?

– Так по той же причине. Ты любишь раскинуться для удобства, а я люблю для удобства все с себя снять... Чтобы тело дышало.

– А ты не знаешь, что мы такое употребляли, что я ничего не помню? Даже то, каким образом ты – совершенно незнакомый парень – оказался вдруг у меня в гостях. Ты, кстати, на каком факультете учишься?

В результате этой увлекательной беседы выяснилось, что Митя учится в Политехническом институте на последнем курсе, а вовсе не в Педагогическом. А пригласил его к Юльке в гости его приятель Миха, который прослышал про вечеринку от Сонечки – однокурсницы Юли. Парням велено было принести выпивку, о закуске должны были позаботиться девушки. Миха где-то раздобыл убойную самогонку градусов под 70, которую девчонки почему-то

решили разбавлять газировкой. Поэтому не стоило удивляться, что ни Митя, ни Юля не помнили, как оказались в одной постели.

После того как Митя помог хозяйке прибрать квартиру, вынес мусор и даже приготовил шикарный омлет из того, что нашел в холодильнике, Юля решила, что парень, в общем-то, неплохой. Деловой, не лентяй, а к тому же необычайно хорош собой: высокий, плечистый, с хорошо развитой мускулатурой и копной пышных, светлых, немного вьющихся волос. Кроме атлетической фигуры, Юлю особенно очаровывали его глаза – большие, синие, обрамленные пушистыми ресницами. В них хотелось смотреть, не отрываясь. Парней с такими глазами любят снимать для рекламы мужского парфюма. А еще такие привлекательные особи мужского пола очень нравятся женщинам бальзаковского возраста. Но об этом в студенческие годы Юля еще ничего не знала...

Митя пришел к ней через неделю после той вечеринки. Был выходной день, мама, что удивительно, находилась дома, а не в церкви. Появился он с букетом красивых роз и небольшим чемоданчиком. Мама открыла дверь, увидела симпатичного парня с цветами, перекрестила его и тихонько ушла. Конечно же, в церковь. Митя зашел к Юле в комнату, поставил чемодан у двери и сказал:

– Юля, привет! Помнишь, что ты меня приглашала, вот я и пришел. Давай жить вместе. Твоей маме я понравился – она меня даже перекрестила.

Противостоять прямоте и обаянию этого парня было невозможно. Митя остался. Юля решила, что именно так и выглядит настоящая любовь – красивый, заботливый парень рядом, совместное приготовление ужина по вечерам, по выходным – походы по магазинам и кино. Что же еще для счастья надо?

Расписались они через полгода, когда Юля почувствовала, что теперь она не одна – под сердцем уютно устроилась ее маленькая доченька. Поняла это она еще до того, как высокая широкоплечая женщина – районный гинеколог – вынесла ей свой вердикт: «Ну что, Юлия Сергеевна, поздравляю – к лету ждите пополнения».

Митя, узнав о том, что Юля ждет ребенка, был на седьмом небе от счастья. Он немедленно бросился в ювелирный магазин, купил самое красивое помолвочное кольцо (с размером, естественно, не угадал, пришлось Юле на следующий день его менять на другое) и, красиво припав на колено, предложил ей руку и сердце. Свадьбу устроили скромную, без пафосных застолий и тамады, в узком студенческом кругу. Юлю к тому времени замучил токсикоз, поэтому от кафе решили отказаться, отметив торжество в квартире.

Ксюша родилась в аккурат на Красную горку, чем очень порадовала свою набожную бабушку – она всегда с большим трепетом и почтением относилась к церковным праздникам. Рождение внучки сделало ее немного мягче – хотя по утрам и перед сном она продолжала усердно молиться, зато днем оставалась дома, предпочитала нянчиться с внучкой. Церковь стала посещать реже, улыбаться чаще. Ксюша для нее стала ангелом, которому Виктория Витальевна готова была служить верой и правдой.

Юля продолжала учиться в институте, готовилась к защите диплома, а Митя уже осваивал азы инженерного ремесла на засекреченном заводе, работающем на оборонку. О том, чем занимается, он предпочитал не распространяться, так как подписал документ о неразглашении служебной информации. Зарплату приносил исправно, домой приходил вовремя, за сверхурочную работу по выходным или в праздники ему доплачивали. В общем, все шло более-менее спокойно. Правда, недолго.

Ксюше пошел четвертый годик, когда ее папочка стал все чаще задерживаться на работе. Юля уже работала в школе. Классного руководства у нее пока не было, зато ее сразу определили на старшие классы. Работа захватила ее целиком. Вечерами Юля занималась с дочкой, подготовкой к урокам и как-то совсем упустила из вида, что Митя все меньше времени стал проводить дома. Причем не только днем, но и ночью. Объяснял он это тем, что завод выпол-

няет очень важный заказ, а он, как самый молодой и здоровый, вынужден отдуваться за своих престарелых коллег в ночную смену.

Так продолжалось несколько месяцев. Юля по-прежнему пребывала в полном неведении относительно бурной личной жизни своего мужа, которая у него, как выяснилось, шла параллельно семейной. Глаза на это открыла ее молчаливая и, как казалось Юле, безучастная ко всему мама. Она давно уже заметила, что у Мити появились дорогие часы, пара новых рубашек, причем явно из дорогого бутика, а не из демократичного «Н&М», но никак не решалась сказать об этом своей дочке. Стиркой и уборкой занималась бабушка, поэтому Юлю новые рубашки не удивляли. Ну, пошел после работы, да и купил себе обновку. Он и Юле частенько покупал что-нибудь свеженькое – блузку, джинсы. Умел выбирать вещи... Но, когда Виктория Витальевна увидела своего зятя возле ресторана «Bella Leone», на Владимирском проспекте, направляющимся к дорожному автомобилю под ручку с немолодой, но очень эффектной женщиной, не выдержала. Пришла домой, долго молилась у иконы Казанской Божьей Матери, а вечером все рассказала Юле. У Мити, понятное дело, была «срочная сверхурочная работа», поэтому свободного времени, чтобы выплакать всю боль в подушку, у Юли было предостаточно. Зато утром, дождавшись своего супруга со «смены», она без слез и истерик предложила ему поменять профессию – с инженера на жиголо, а заодно сменить и место проживания. Тот самый чемоданчик, с которым четыре года назад он появился в ее квартире, уже поджидал хозяина у двери.

Митя долго моргал выразительными синими глазами, удивляясь тому, как Юля могла разгадать его маленькую тайну, пытался оправдываться, но получалось это у него неубедительно. Он не считал себя ни предателем, ни изменником, ну может быть слегка запутавшимся молодым человеком. Ну что ему делать, если жена генерального директора, с которой он случайно встретился в приемной, вдруг оказалась такой настойчивой и сделала все, чтобы еще раз встретиться (совершенно случайно, должно быть) при других обстоятельствах. А потом еще... И еще. Он и не собирался обманывать Юлю, он просто кое-что ей недоговаривал. Ну не виноват же он, что родился таким привлекательным. И что бы с ним было, если бы он отказался встретиться на нейтральной территории с женой генерального? Да уволили сразу, на следующий же день!

Так и закончилась полноценная жизнь семьи Нечаевых. Каждый из них остался при своем мнении и начал существовать по отдельности: Юля с Ксюшей и мамой, а Митя сам по себе и тоже с какой-нибудь «мамой». Постепенно боль от предательства мужа у Юли прошла, уступив место заботе о дочери и стремительно стареющей, все более уходящей в себя маме. С Дмитрием, как ни странно, отношения постепенно наладились – он регулярно привозил деньги на воспитание Ксюши, причем немалые, периодически на каникулах или на выходных забирал дочку к себе, водил ее по музеям, несколько раз возил на экскурсию в Москву, Новгород и даже в Калининград. На свой день рождения или по праздникам он охотно приглашал Юлю с дочкой в гости или в ресторан. Совсем как старший брат. На какие средства так хорошо существовал скромный российский инженер, Юля только догадывалась, но не расспрашивала и утешала себя мыслью – зато не спился после развода.

Ацтекский заговор

Ехать в неведомый Сосновск Юля решила одна – зачем везти с собой ребенка неведомо куда, чтобы разобраться с наследством своей тетушки, с которой она и знакома-то никогда не была. До недавнего времени ей казалось, что после смерти мамы тайна ее семьи так и останется неразгаданной. Но вот ведь как все обернулось. Неведомая соседка вдруг призывно помахала рукой из прошлого, приглашая разобрать архивы и документы, напрямую связанные с историей семьи Соболевских, с которыми мамочка потеряла связь еще до ее рождения. Фантастика!

Это письмо пришло как нельзя кстати – Юле в последнее время собственная жизнь стала казаться невероятно скучной, тоскливой и до тошноты рутинной. Каждый день одно и то же: дом – работа – дом. Даже дружный педагогический коллектив, нечастые, но очень веселые полулегальные вечеринки в самом уединенном и закрытом кабинете химии с неизменной матовой колбой в центре учительского стола, не спасали от одиночества. Редкие встречи с подругами, поездки два раза в год за границу или в турпоездки по России, походы на выставки, которые становились все реже и реже.

И полный штиль на личном фронте. Просто полнейший... Юле очень хотелось влюбиться или хотя бы увлечься кем-нибудь, но с кандидатами как-то не везло. Поэтому чудная женщина по фамилии Величкина, сама того не ведая, прервала ее серые хмурые будни своим неожиданным письмом, за которым, Юля была просто уверена, последует что-то невероятно интересное, просто захватывающее. С каждым днем в ожидании отъезда Юля придумывала новые версии истории семьи Соболевских. Как получилось, что мама за все время слова не проронила про свою старшую сестру? Юля даже не догадывалась о ее существовании. Значит, тайна все-таки была. И осталось совсем немного времени до того момента, когда Юля наконец-то узнает ее.

Митя сразу же категорически высказался против поездки в Сосновск вместе с Ксюшей:

– Юлия Сергеевна, окстись, куда ты собираешься везти моего ребенка? До твоего Сосновска даже прямого транспорта нет. Ехать надо не пойми как – на Саратов через Пензу. Уж как-нибудь одна разберись там со своим гинекологическим древом, а дочку оставишь со мной и Тamarочкой. Она – прелесть. Тебе понравится, вот увидишь.

– Древо, Митя, это у тебя, а у меня дерево. Причем генеалогическое.

– Ох, простите, госпожа лингвист. За древо спасибо, конечно, но Ксюшу с тобой не пущу. Мы лучше все вместе на недельку в Турцию смогаемся. Ксюшка ведь там еще ни разу не была?

– Не была. Только сначала меня со своей новой подружкой Тамарой познакомь.

– С удовольствием! Давно пора... Да, кстати, а чего тянуть-то? Приезжай с Ксюшей в выходные. Посидим, поболтаем. Томочке тут партнеры из Армении коньячок привезли – коллекционный, пятнадцатилетней выдержки, волшебный напиток. Попробуешь, Юлечка, вкус хорошей жизни.

– Да, Митенька, ты действительно мой лучший друг. Такой заботливый, даже коллекционного коньяка не жалко.

– Не заводись, пожалуйста, знаешь ведь, мне для тебя ничего не жалко.

– Договорились, в субботу заедем. Должна же я знать, на кого дочь оставляю.

С годами знакомство с подругами Мити стала чем-то вроде ритуала. Четыре года семейной жизни, несмотря на горький привкус расставания, не сделали из них врагов. Несмотря на свою излишнюю влюбчивость, Митя был неплохим отцом. Дочку и бывшую жену считал самыми близкими людьми – родители его тоже давно уже умерли, родных братьев и сестер у него не было, а двоюродные жили в далекой Сибири, да и виделся он с ними только в детстве. Если очередная пассия оставалась в его жизни на несколько месяцев, Митя старался познакомиться ее с дочкой и с Юлей. Приезжать к бывшему мужу на очередные смотрины Юле приходилось уже не в первый раз. Но, если честно, ни одна из его избранниц ей не нравилась. Да и

задерживаться в его жизни надолго они не собирались, хотя Митя упорно не признавал этого факта. Ему нравились зрелые, состоявшиеся женщины, и он каждый раз думал, что вот эта женщина – навсегда.

В отличие от большинства мужчин, Митя с годами хуже не становился. Напротив, с возрастом он приобрел невероятный мужской шарм – легкая седина, появившаяся очень рано, его совсем не портила, скорее, украшала. Он не курил, занимался спортом (регулярно посещал фитнес-клуб), почти не пил – алкоголь предпочитал только самый лучший и в хорошей компании. К своим 37 годам из голубоглазого, высокого, симпатичного парня Митя превратился в импозантного молодого мужчину с хорошей фигурой, отличными манерами и шикарным гардеробом. Серьезным бизнес-леди он очень нравился, однако с любой из них отношения были приятными, но непродолжительными. Бизнес – это серьезно. Поиграв в красивую любовь с голубоглазым красавцем месяц-другой, его «мамочки» возвращались к старому, проверенному годами партнеру – своему налаженному бизнесу, оставив на счету у Мити некую сумму денег, а в своей памяти приятные воспоминания. Может быть, с новоявленной Томочкой ему наконец-то повезет. Юлия искренне этого хотела: если она несчастна в личной жизни, то пусть хотя бы бывшему мужу повезет. Должен же у Ксюши хоть кто-то из родителей быть счастливым.

В субботу Юлия не поленилась, встала пораньше, поставила тесто для своего фирменного пирога с мясом, открыла гардероб и стала примерять наряды. Перед новой «папиной девушкой», как называет их Ксюшка, хотелось не ударить в грязь лицом. Выбрала Юлия свой выходной жемчужно-серый брючный костюм, который Митя привез ей на Новый год из Парижа. Надевала она его всего дважды и оба раза имела невероятный успех – коллеги охали от восторга, так и норовили потрогать ткань, настолько приятной та была на ощупь.

К тому же ей захотелось удивить Томочку своим пирогом – это беспроектный вариант. Сегодня принято пироги и торты делать на заказ, у самых модных кондитеров, или заказывать в дорогих ресторанах, а Юлия делает свой пирог по рецепту учительницы начальной школы Марии Игнатьевны. Простой, но действенный – тесто получается пышное, сдобное, главное, сливочного масла не жалеть для теста, а для начинки – отборной говядины.

Ксюша с Тамарой уже встречалась, поэтому, заметив старания матери принарядиться как следует, только хмыкнула. Сама же она предпочла свои любимые джинсы и обычную футболку.

– Ма, зря ты нарядилась, как на новогодний корпоратив, – придиричиво оглядев мать с головы до ног, заметила Ксюша, – Тамара такая простая, к тому же мы приглашены всего лишь к папе в гости, а не в ресторан. Мне кажется, этот наряд будет не совсем уместен.

– Ты думаешь? Но я уже настроилась на то, чтобы выглядеть как можно лучше. Мне хочется понравиться этой Тамаре.

– Это я ей должна понравиться. Меня же с ней оставляют, а не тебя. Так что, мамулик, будь спок – я не подведу.

Ой, ну какие умные дети пошли. Все-то они знают. Юлия спорить не стала, но костюм не поменяла. По дороге они купили для Тамары потрясающий букет пионов – огромных, лохматых и таких благоухающих, что от их аромата у Юли слегка закружилась голова. Против таких знаков внимания никакая Томочка не устоит.

В полдень они уже стояли у двери Митиной квартиры. Юлю, конечно, удивило приглашение на такое раннее время, но что поделать – у богатых свои причуды. Сказано – приезжайте пораньше, приехали пораньше. Дверь открыл Митя, а за его спиной с удивлением заметила неприметную особу в джинсах и простенькой рубашке. Невысокая, коренастая молодая женщина, в отличие от всех предыдущих спутниц бывшего мужа, не броская. Она скромно выглядывала из-за его широкого плеча, но при этом держалась уверенно, по-хозяйски. По давней студенческой привычке Юлия каждому новому человеку находила свое определение. При виде Тамары ей сразу пришло на ум: «ладно скроен, крепко сшит», только в женском варианте.

Митя чмокнул бывшую жену, приобнял Ксюшу и, забрав пирог из рук Юли, представил дам друг другу:

– Тома, эта Юля – моя бывшая супруга, а в настоящее время практически единственная родственница, короче, близкий и дорогой мне человек. Юля – а это Тамара, моя девушка, как говорит наша с тобой дочь. Знакомьтесь, девочки, а я на кухню – хозяйничать. Ксюша, за мной, мой верный Санчо Панса.

Юля протянула букет Тамаре, не зная, что и сказать. Умеет все-таки Митя ускользать в самое неподходящее время. Тамара от пионов пришла в полный восторг:

– Отличный букет. Спасибо, пионы мои любимые цветы. В детстве у меня в саду были заросли пионов... Всех возможных сортов.

Тамара уткнулась лицом в лохматые ароматные шапки цветов, на мгновение зажмурив глаза, а потом отправилась на поиски подходящей вазы. Юля, воспользовавшись паузой, прошла на террасу – свое самое любимое место в Митиной квартире, откуда открывался восхитительный вид на старинные дома Петроградской стороны. Терраса была оборудована всем необходимым для того, чтобы любоваться закатами, восходами и звездным небом, в зависимости от времени суток и года. Митя поставил здесь столик, уютные кресла и даже небольшой диванчик. Погода была восхитительная, легкий ветерок обдувал Юлю со всех сторон, как будто она стояла на палубе круизного лайнера. Присев в кресло, она подумала, что Тамара, на которую ей так хотелось произвести впечатление, оказалась совсем не такой, какой она ее себе представляла. Обычная, не разодетая как на подиум, совсем без косметики. Не красавица, но с умными, все подмечающими карими глазами. Приятная, на редкость приятная женщина.

Тамара незаметно подошла к Юле, поставила на столик бутылку коньяка, блюдо с тонкими ломтиками лимона и пару бокалов.

– Давайте, Юля, продегустируем этот коньяк. Я, правда, армянского языка не знаю, и названия его никак не запомню, но уверяю вас, напиток весьма достойный. Не возражаете?

– Нет, с удовольствием попробую. Митя его так расхваливал.

Тамара щедро налила в бокалы коньяка – и не менее щедро отхлебнула. Юля решила не отставать...

Ксюша, задернув портьеру, из-за которой тщательно следила за тем, что происходит на лоджии, сказала отцу:

– Ну, все, дело пошло.

Митя облегченно выдохнул. Они с дочкой давно уже планировали эту встречу: от ее результата зависела судьба их совместной поездки. И вовсе не в Турцию, а в места совсем небезопасные – в Перу. Туда, где находится самое загадочное место на земле – вершина Мачу-Пикчу. О том, что дочка с отцом задумали это путешествие, сидящие на террасе женщины, разумеется, не догадывались. Согласно коварному замыслу заговорщиков, Юля и Тамара должны были отведать божественного армянского напитка, поближе познакомиться, подружиться и с легким сердцем согласиться на поездку. Поэтому Митя так упорно намекал Тамаре, которая к спиртному была равнодушна, угостить Юлю коньяком, а потом тянул время, не подавая дамам закуски, чтобы они побыстрее захмелели.

Ксюша в это время обдумывала, как бы поудачнее вернуть в разговор самый главный аргумент – эта поездка ей необходима, чтобы собрать материал для реферата «Влияние ацтеков на развитие западной цивилизации». Эту тему она выбрала не случайно, а по совету приятельницы, утверждавшей, что он поможет при поступлении на факультет географии в Санкт-Петербургский государственный университет. Правда, до поступления было еще три года, но будущему географу следует начинать путешествовать как можно раньше. И не в какую-то туристическую Турцию, а в Перу, Новую Зеландию или уж на худой конец в Исландию.

Когда Митя пришел за дамами, чтобы пригласить их к столу, увиденным он остался доволен – Юля смеялась от души над шутками Томочки, которые та еще и сопровождала умо-

рительными жестами. Переглянувшись с дочкой, он кивнул головой, что означало – теперь в ход можно было запускать тяжелую артиллерию в виде доводов про ацтекское влияние... Но Тамара и Юля так увлеклись беседой, что попытка Ксюши поговорить про ацтеков оказалась безрезультатной. Митя смотрел на бывшую жену с большим удивлением – впервые ей так понравилась его избранница. Весь вечер молодые женщины были увлечены разговорами друг с другом, а отец и дочь – обсуждением предстоящей поездки.

...Воскресное утро началось у Юли около двух часов дня. Учув запах свежесваренного кофе и ароматной выпечки, Юля открыла глаза. Перед ней на столике стояла любимая чашка с дымящимся кофе и тарелка свеженьких круассанов. А рядом на стуле сидела дочка с абсолютно ангельским личиком. У Юли все сжалось внутри – это неспроста. Сейчас дочка выдаст что-нибудь этаконькое...

– Мамулик, доброе утро! Мы с папой уже заказали билеты на следующий вторник. Представляешь, там сейчас не сезон, поэтому оказались свободные места в самой крутой гостинице. Мы их тут же забронировали.

– Доченька, как это не сезон? В середине июня в Турции не сезон?

– В какой Турции! Мам, ты что – мы летим в Перу.

Юля подпрыгнула на кровати. Вот что означало ангельское личико доченьки... Ну, Ксюшка, берегись. Последующий допрос с пристрастием, а в этом классный руководитель 9 «Б» была очень сильна, привел к неутешительным выводам: теплый прием, оказанный Митей, был лишь частью коварного замысла по устранению материнской бдительности. Да что там материнской – как Тамара смогла вписаться в эту историю? Эта крутая бизнесвумен (от которой Юля после вчерашнего знакомства пришла в полный восторг), раскусывающая акул бизнеса на раз-два, тоже попала на детские уловки доченьки и ее не менее ребячливого папеньки. Да уж...

Знакомство с Томочкой, а точнее с Тамарой Геннадьевной Грибаевой, прошло замечательно. Мало того, что она оказалась полной противоположностью всех предыдущих подруг бывшего мужа – перекроенных в швейцарских клиниках стареющих дам с алчным блеском в глазах, в костюмах от Prada и с бриллиантами на всех пальцах. Она оказалась на редкость обаятельной особой, невероятной умницей и, к тому же, одноклассницей Юли. А вот интеллект, по шкале оценок госпожи Нечаевой, ценился выше всего. Тамара как-то вскользь рассказывала о себе, все больше расспрашивала Юлю о том, что же она планирует делать в Сосновске. Удивительное дело: выяснилось, что Тамара в детстве неоднократно бывала с отцом в этом «маленьком и очень милым городке», и даже знает там некоторых людей.

Как получилось, что Юля дала согласие на поездку дочки в Перу, она, как ни старалась, так и не вспомнила. Видимо, это произошло в тот самый момент, когда мозг, одурманенный армянским коньяком, дал сбой и утратил такую опцию, как бдительность. Ей очень захотелось позвонить Тамаре, чтобы узнать, как она могла согласиться на поездку в Перу, но не хотела навязываться. Несмотря на замкнутость Тамары, Юля успела узнать, что она является президентом крупного строительного холдинга в Петербурге, акционером известной нефтяной компании. Но, услышав похвалы Мити, Тамара сразу перевела разговор на другую тему. Набиваться сильным мира сего в друзья Юля не стала бы ни за что на свете. Воспитание не позволяло.

В это время Тамара, сидя на той же уютной террасе, раздумывала – позвонить Юле или нет? Когда благоверный поставил ее перед фактом: она едет вместе с ним и Ксюшей в Перу, это, конечно, ее удивило. Но если посмотреть с другой стороны – почему бы не отправиться туда, да еще и в такой приятной компании? Тем более что там она еще ни разу не была. Однако Тамара тут же поинтересовалась, не будет ли Юля против поездки? Но, услышав в ответ: «Да она будет только рада! Ведь ребенок планирует написать реферат по следам нашей поездки!»,

успокоилась. Раз Юля согласна, слетаю ненадолго. Сперва она было собралась позвонить ей, чтобы обсудить предстоящее путешествие, но не решилась, опасаясь выглядеть навязчивой.

Знала бы она, к каким последствиям приведет ее нерешительность!

Крутой парень Тамара

Десять лет назад Тамара стала круглой сиротой – родители погибли в авткатастрофе вместе с ее младшим братом. Тамара в это время заканчивала обучение в Англии, но узнав о случившемся, немедленно прилетела домой, не дождавшись торжественного облачения в мантию и профессорскую шапочку. Ее отец Геннадий Грибаев был крупным сибирским предпринимателем, но о том, какими активами он владел, Тамара имела смутное представление. Сразу после окончания школы она уехала учиться в Москву, потом в Англию, а домой приезжала только на каникулы. Училась она много и с большой охотой, в ущерб личной жизни. Да и какая личная жизнь с такой внешностью. Тамара не питала иллюзий относительно того, что видела в зеркале: невысокая с короткой шей и широкими плечами. Да и лицом не вышла – небольшие карие глаза, нос крупный, лоб высокий. Полная копия своего отца...

Ну хоть бы что-то ей досталось от мамочки-красавицы. Так ведь нет – ни голубых в поллица глаз, ни длинных ног, ни золотистых пышных волос. Зато все в один голос твердили – раз в отца уродилась, знать, счастливой будет. Да и сам отец любил приговаривать, когда брал Тамару с собой на охоту и видел, как ловко она управляется с ружьем:

– Крутым парнем растешь, дочка, – с винторезом лихо управляешься. С такой помощницей, как ты, и умирать не страшно. Будет на кого дело мое оставить.

Отец словно предчувствовал свой ранний уход. Он научил Тамару метко стрелять из пистолета; хотя она терпеть не могла оружие – ни пистолеты, ни винтовки, но, чтобы не разочаровывать отца, быстро научилась обращаться с ним. Она вообще всему обучилась очень быстро. И уж если бралась за какое-нибудь дело, всегда доводила до конца. Как правило – до победного.

Если счастьем можно назвать то, что весь отцовский бизнес она унаследовала единолично, то да, конечно, уродилась счастливой. Но то, чего ей стоило удержать все это, когда кто только не пытался вырвать отцовское наследство из ее худеньких рук, к счастью никакого отношения не имело. Давить и угрожать «генкиной зубрилке» стали сразу же, как только Тамара Грибаева ступила на сибирскую землю с трапа самолета, перенесшего ее с берегов Туманного Альбиона в заснеженный Новосибирск. Вот тут-то умение ловко держать винтовку в руках, а нервы в крепкой узде ей и пригодилось.

Прилетела она на похороны всей своей семьи – матери, отца и малолетнего брата, чуть живая от слез и пережитого горя. Шла к зданию аэропорта, как на Голгофу, уже зная наверняка, что катастрофа была не случайной, что отец пытался спасти семью, хотел вывезти жену и сына в безопасное место, но, видимо, не учел, что в его самом ближайшем окружении найдется сволочь, способная заминировать машину. Перед самым вылетом из Хитроу ей позвонил бухгалтер одной из фирм Геннадия Грибаева (как только узнал телефон?) и рассказал об этом. Также он предупредил, что наследницу ждет не самый теплый прием. Прислал эсэмэску с номером своего телефона, просил связаться с ним сразу, как только она прилетит в Новосибирск. Голос ей показался смутно знакомым.

Тамара так и сделала. Вместо «здравствуйте» звонивший продиктовал ей адрес, по которому она должна была немедленно приехать, не садясь ни в одну из машин встречающих ее людей. Тамара каким-то звериным чутьем почувствовала, что только этому человеку и можно верить. В аэропорту Толмачево она первым делом прошла в женский туалет, где обменяла у молоденькой девушки свою стильную парку с меховой подкладкой на дешевую турецкую куртку с капюшоном и незаметно, в толпе, просочилась к выходу. Действуя в лучших традициях любимых детективных сериалов, Тамара взяла такси, но по указанному адресу поехала не сразу. Остановившись у строительного магазина, она на всякий случай купила самые ост-

рые ножницы, которые помещались в карман куртки, и только потом назвала таксисту адрес, указанный в эсэмэске...

К счастью, ножницы не понадобились – бухгалтера дядю Леню Казьмина она узнала сразу. Вспомнила, как девчонкой приезжала к нему вместе с отцом в заброшенную, на пять дворов, глухую деревню Кутихино. Там они прожили три или четыре дня. Тамара по утрам ходила с женой бухгалтера тетей Катей доить корову, ей это занятие безумно понравилось. Тамара помнила, что совсем не боялась, что большая рыжая корова Зорька ударит ее копытом или хвостом, как ее пугала тетя Катя. Детей у Казьминых не было, жили они вдвоем в городе, но при первой возможности уезжали в Кутихино, где держали разную живность. Соседка – шустрая, суетливая бабуля – приглядывала за скотиной в их отсутствие. Наверное, корова скучала по хозяйке, поэтому была совсем не агрессивной, а, напротив, очень дружелюбной. Приговаривая что-то ласковое, поглаживая корову за ухом, Тамара терла щеткой блестящие мягкие бока Зорьки, чувствуя, что корове это нравится. Много лет спустя в Англии, лежа на узкой кровати студенческого кампуса, она не раз с большой теплотой вспоминала эту поездку и скучала по ним всем.

Дядя Леня, бывший афганец, отслуживший в «войсках дяди Васи», крупный, простоватый мужик с огромными руками, ездил с отцом на рыбалку на старой, потрепанной моторке. Они уезжали рано утром, когда Тамара еще спала, а возвращались, когда уже темнело, с большой корзиной, наполненной блестящими рыбинами, некоторые из которых еще подрагивали и били хвостом. Рыба выглядела не совсем обычно, называлась мудрено – хариус – и была невероятно вкусной.

Отец говорил про дядю Леню: «Выглядит Ленчик простофилей, но мозги у него работают, будь здоров, да и кулаки что надо». Потом, правда, о нем стал забывать, перестал ездить с ним на рыбалку. Гену Грибаева окружили совсем другие люди, которые учились вести бизнес в лучших учебных заведениях Европы, знали несколько языков, изображали преданность отцу до гроба, а как только его прижали конкуренты, сразу же переметнулись в другой лагерь. А вот дядя Леня, хоть и был европейскими хлыщами отодвинут на самые задворки грибаевской империи, остался ему верным до конца. Потому и помог Тамаре. Да что там помог – практически спас от жадных до чужих денег бандитских лап.

Как только Тамара приехала из аэропорта с трясущимися от страха губами, но с острыми ножницами в кармане и металлическим блеском в глазах, совершенно таким же, какой был у Гены Грибаева в минуты сильного волнения, Леонид Сергеевич Казьмин приставил к ней в качестве охраны двух проверенных парней, когда-то служивших в ВДВ. На похоронах отца, матери и брата он не отходил от нее ни на шаг, готовый в случае чего прикрыть собой. Дядя Леня был уверен, что Тамару, единственную наследницу отцовского бизнеса, сразу же попытаются ликвидировать. Но закрывать собой девчонку не потребовалось. Тома здесь, на похоронах, всем продемонстрировала твердый грибаевский характер – не проронила ни слезинки, даже когда вынесли маленький гроб ее десятилетнего братишки. Стояла, как каменное изваяние, прожигая отцовским взглядом каждого подошедшего к ней выразить соболезнования – пусть недруги видят, что она не размазана какая-нибудь и за смерть семьи отомстит каждому, кто к этому причастен. Не получают изверги, лишившие жизни ее родных, ничего из желанного грибаевского наследства!

Даже у самого Леонида Сергеевича ком к горлу подошел при виде детского гроба, а Тома только сжала губы в тонкую полоску так, что на ее широких монгольских скулах выступили желваки. Не зря Гена Грибаев любил говорить в теплой компании после третьей рюмки, что в его жилах течет кровь самого Чингисхана. Судя по всему, Тамаре Грибаевой достались от великого воина стойкость и мужество.

Каждого, кто подходил к ней, Тамара встречала таким взглядом, что мужики холодели – им казалось, что на них смотрит сам Гена. После похорон дядя Леня ее крепко зауважал.

Он-то поначалу думал, что девочку надо поддержать, помочь ей отбиться от стервятников, падких до грибаевских миллионов. Но сейчас увидел ее другими глазами – смелая, решительная, всем своим видом показавшая отцовым недругам, что она не просто «генкина зубрилка», а дочь, достойная своего отца. Понял, скорее, почувствовал – она такой же крепкий орешек, каким был Гена Грибаев. Только тот в последнее время слишком размяк, положившись на свое лощеное окружение, утратил бдительность. А Тома – та потверже, поумнее и сообразительнее оказалась. Одни ножницы в кармане чего стоят...

На следующий день после похорон она, в сопровождении тех же десантников, появилась в офисе и устроила там нешуточный переполох. Немедленно затребовала всю документацию, главного бухгалтера до поздней ночи продержала в кабинете, закидывая вопросами. Не на все из них он смог ответить, за что и был немедленно уволен. Дядя Леня глазом моргнуть не успел, как на стол будущей владелицы холдинга легли еще десятка два заявления на увольнение. По собственному желанию, а если придерживаться точности, по желанию новой владелицы. Написали их те, кому дядя Леня советовал не доверять. Что им говорила Тамара за закрытой дверью, он так и не узнал. Ни один не решился озвучить истинную причину увольнения, все ссылались на семейные обстоятельства... Как ни странно, покушений на молодую хозяйку, которых Леонид Казьмин опасался больше всего, никто так и не предпринял. Были звонки с угрозами, разбитые стекла автомашины, даже камни с записками, влетевшие в окна ее дома, но это так, семечки. На серьезный передел никто так и не решился.

Тамара стала управлять бизнесом отца с первых дней, так, будто для нее это было не в новинку. Учеба в Англии пошла ей на пользу. В бизнес отца, представленный двумя крупными лесоперерабатывающими комбинатами, фабрикой по производству мебели, десятком лесопилок, и в довесок еще сетью АЗС, она легко вошла, от многих привычных для всех вещей немедленно отказалась, сократила штат, побывала во всех филиалах, «дочках» и даже на каждой заправке. С некоторыми заклятыми «друзьями» отца посчитала нужным встретиться лично, хотя Казьмин ее от этого долго отговаривал. Но девочка его не слушала, бывало, что и на «стрелки» ездил сама, вызывая поначалу своим появлением ухмылки на лицах серьезных людей. Но это лишь поначалу... Довольно быстро многих конкурентов в отчаянной гонке за лакомый кусок рынка она лихо обошла, не боясь крутых виражей. Кто-то остался лежать в кювете, а иные попросту отстали... Догнать, а тем паче перегнать «генкину зубрилку», оказалось занятием не из легких. Дядя Леня – ее правая рука, самый надежный и преданный человек, курирующий весь бизнес в Сибири и на Алтае, довольно быстро перенял ее стиль управления, со многими согласился, признав, что не зря девушка много лет училась уму-разуму.

Просидев в своем кабинете пару лет, Тамара поняла, что пора выбираться из «сибирской ссылки». Решив, что дядя Леня, наделенный немалым умом, справится и без нее, Тамара надумала перебраться в Петербург и заняться там строительным бизнесом. Дядя Леня долго отговаривал ее от этой затеи, даже специально отвез на рыбалку, где Тамара в глуши, без посторонних глаз и ушей, смогла из бизнес-вумен снова превратиться в обычную девочку, какой когда-то приезжала с отцом в Кутихино. Но не подействовал даже такой радикальный метод. Тома сказала, как отрезала:

– Дядя Леня, Петербург – это моя мечта. Всегда хотела там жить, купить квартиру, а лучше самой построить дом, с видом на Неву, завести красивого мужа и родить от него чудесного малыша. Чтобы только не был похож на меня. А то к зеркалу подойти страшно.

– Тома, что ты такое говоришь? Ты же такая умница, вон какая крутая: лет – всего ничего, а с тобой уже депутаты из Госдумы за ручку здороваются...

– Именно здороваются, и ни один эту ручку поцеловать не пытался. Никакой маникюр не спасает. Что мне этот бизнес? Я же за него замуж-то не выйду.

Сказала, головой к нему прижалась, и дядя Леня первый раз за все время знакомства увидел слезы у нее на глазах. «Эх, дочка, будет у тебя и муж, и сынок, подожди еще», – утешал

он, но после этого он крепко задумался. Баба она и есть баба. Хоть и бизнес грамотно ведет, но ничего не поделаешь – женское начало свое берет. Замуж хочет, деток нарожать, крепкой семьей обзавестись...

Решил он сам заняться устройством личной жизни Тамары Грибаевой. Но только получилось это у него, надо сказать... Слон в посудной лавке и тот элегантнее выглядит, чем Леонид Казьмин в роли свахи. Подобрал кандидатуры всех холостых, более-менее приличных бизнесменов, он пытался организовывать, так сказать, случайные встречи. Но Тома все его уловки разгадывала буквально на раз. Да и мужички были так себе: один простоват, другой трепловат (болтуны Тому особенно раздражали), третий вообще с «голубым» налетом оказался.

После этого все попытки «женить» Тому дядя Леня приостановил, и она все же укатила в северную столицу. На выходные Тамара прилетала в родные пенаты, но вовсе не отдыхать, а обсуждать текущие дела и планы на будущее. Молодая хозяйка всегда держала руку на пульсе, ничего не выпуская из поля зрения. В Петербурге она тоже работала, как заводная игрушка на долгоиграющих батарейках «энерджайзер» – с перерывами только на сон и подзарядку. Леонид Сергеевич прилетал несколько раз в Санкт-Петербург консультировать Тамару. Выглядело это примерно так:

– Тома, ну зачем ты вцепилась в этот кусок земли? Что, других мест мало? Ценник-то какой – не потянем.

– Зачем нам строить панельные халупы? Я не хочу этим заниматься... Мне не интересно. В Петербурге есть много талантливых молодых архитекторов. Я хочу строить такие здания, чтобы они стояли на века, как дома на Невском.

– Ну-ну... Деньги папкины девать некуда. Архитекторы молодые... Ты кто здесь – девочка из Сибири, а хочешь большой куш сорвать. Все с малого начинают, а тебя сразу на хоромы потянуло, да еще и на берегу Невы. Облапошат ведь жуки местные, ой облапошат...

Хоть и ворчал Леонид Сергеевич, но все же понимал: не все в жизни копеечкой да рублем меряется. Тамаре в бизнесе нужен размах крыльев – от земли до неба, как ястребу в полете. Она сильная, умная, только такие крепкие чего-то в этой жизни и добиваются. Плюс капиталец неплохой имеется, да и в Сибири все идет, как надо. Боялся он только, что партнеры, а без них в строительном бизнесе никак не обойтись, обманут Томочку. Те, видимо, тоже так думали, валом покатали к ней знакомиться, но после двух-трех встреч начинали понимать – Тамара Грибаева, хоть и баба, но мозги имеет совсем не куриные.

Кто хотел поживиться за ее счет, отпали сами собой, ну а кому действительно хотелось вложиться в стоящий проект, в Тамару поверили. И ведь не прогадали. За три-четыре года в Петербурге Тамара Грибаева плотно укоренилась. Первая часть ее мечтаний, которыми она поделилась с дядей Леной на рыбалке, была практически выполнена, а вот вторая – насчет красивого мужа и чудесного малыша – пока запаздывала.

Мы поедem, мы помчимся...

Митя Нечаев в ее жизни появился совершенно случайно. В доме, который построила Тамара, он приобрел небольшую, но очень уютную квартирку. Дом-красавец – первенец Тамары, – который органично вписался в неподражаемый стиль Петроградской стороны. Был клубный дом, как и все современные строения, нашпигован магазинами, салонами, кондитерскими и даже снабжен вполне приличным фитнес-клубом. В этом клубе Тамара впервые и увидела Митю. Увидела и влюбилась. Сразу. Наотмашь. До бессонных ночных бдений у огромного окна с видом на сверкающий ночной город. Давненько с ней такого не случалась, лет с семнадцати, наверное.

Тамару все арендаторы и собственники дома знали в лицо и называли между собой хозяйкой, несмотря на то что никакой недвижимостью, кроме собственной квартиры, она в этом доме не владела. Владельцы клуба, как, впрочем, и кондитерской, и мехового салона «Баргузин», наперегонки бросились вручать ей VIP-карты и оказывать всевозможные знаки внимания. Поначалу это ее напрягло, не привыкла она к столь активной демонстрации внимания к своей скромной персоне. В глубине души Тома Грибаева осталась скромной провинциальной девчонкой, не обученной столичному кокетству и светским манерам. Но потом ей просто надоело отказываться – в салоне «Баргузин» приобрела шикарную шубку (с большой, надо признать, скидкой), стала по утрам ходить в фитнес-клуб на зарядку, а по вечерам – в бассейн, да и мимо кондитерской не проходила. «Не модель ведь, могу себя и тортиком побаловать», – рассуждала Тамара, глядя, как ей в нарядную коробку упаковывают с детства любимые «Графские развалины» или аппетитный десерт «Тирамису».

Митя жил в соседней парадной и иногда парковал свой автомобиль рядом с машиной Тамары. Она любила водить машину, услугами личного водителя пользовалась только в течение дня, когда можно подготовиться к совещанию или какой-нибудь встрече, сидя на заднем сиденье авто с ноутбуком на коленях. Утром на работу и вечером домой она добиралась самостоятельно, чем вызывала искреннее восхищение своих подчиненных. Как-то утром, увидев машину красавца Мити рядом со своей, Тамара пошла на хитрость. Открыв капот, она выдернула свечу и села за руль своей машины. В ожидании, когда он выйдет из подъезда. Едва Митя появился в ее поле зрения и поравнялся с ней, Тамара резко открыла дверь и взмолилась:

– Молодой человек, извините, у меня что-то с машиной, никак не могу ее завести, я опаздываю на очень важную встречу. Вы не могли бы посмотреть, что с ней?

Митя, одетый как всегда с иголки, осмотрел свой светлый костюм и честно признался:

– Я в машинах вообще ничего не понимаю. Вот абсолютно ничего. Давайте я лучше вас на встречу отвезу, у меня есть немного времени, а вечером вы автомеханика вызовите. Могу даже своего порекомендовать.

– Да мне как-то неудобно вас обременять, – стала отнекиваться Тамара, просто возликовавшая от такого предложения.

– Ничуть не обремените, садитесь в мою машину. Куда ехать?

Сказать, что Тамара была на седьмом небе от счастья, значило ничего не сказать. Всю дорогу до ее места работы, а это минут двадцать, они мило щебетали. Ах, какая чудная погода! Боже, какой вчера была игра «Зенита»! Какой необыкновенный цвет у обивки вашего салона...

Тамара была в ударе. Она и подумать не могла, что способна всерьез восторгаться игрой «Зенита», при этом ничего не понимая в футболе. К тому моменту, когда Митя подвез ее к зданию бизнес-центра, она уже многое о нем знала. Митя оказался джентльменом – дал свою визитку с номером мобильного телефона. Сказал, чтобы позвонила ему вечером, после работы, когда можно будет вызывать механика.

Весь этот день Тамара места себе не находила. Начала с того, что вызвала к себе в кабинет пиарщика Никиту, в недавнем прошлом сотрудника известного модельного агентства, вынужденного покинуть его из-за неразделенной любви, положила перед ним на стол свою банковскую карту и сказала:

– К вечеру я должна выглядеть не хуже Даши Жуковой во время знакомства с Абрамовичем. У меня важное свидание.

Невозмутимый, как сфинкс на набережной у Академии художеств, Никита лишь слегка возразил:

– На вашем месте я бы остановился на образе Леры Кудрявцевой – у вас с ней есть что-то общее в разрезе глаз.

Тамара была удивлена своим сходством с известной медийной красавицей, но виду не подавала:

– Никита, ты отвечаешь за мой имидж. Если встреча провалится, завтра я тебя уволю.

– А если все пройдет хорошо – я могу рассчитывать на прибавку к зарплате и должность начальника PR-отдела?

– В размере 50 процентов от существующей... Да, и должность начальника PR-отдела, в случае удачной встречи, твоя.

– Тогда можете готовить приказ о моем новом назначении.

Никита не подкачал, не зря он столько лет крутился в fashion-индустрии. К вечеру – после визита стилиста, мастера по маникюру (дамы с огромным кофром) – Тамара впервые за много лет с удовольствием разглядывала себя в зеркале. Что удивительно – ей не хотелось разбить зеркало молотком. Напротив, из него на нее смотрела абсолютно другая, незнакомая молодая женщина, с которой Тамара любезно поздоровалась... В конце рабочего дня уже не Тома Грибаева, а уверенная в себе Незнакомка позвонила по номеру мобильного и, услышав голос Мити, сказала:

– Я готова встретиться с обещанным механиком сегодня вечером. Вы не могли бы его пригласить приехать в наш двор.

– Да зачем его приглашать! Я сейчас вас заберу, мы вместе поедем к нему и привезем прямо к машине. Вы находитесь по тому же адресу, что и утром?

С этой встречи все и завертелось. Да с такой скоростью, которой Тамара сама от себя не ожидала. Пустых обещаний она никогда и никому не давала, поэтому Никита получил и должность, и прибавку к зарплате, и благоволение начальницы, по его мнению, суровой девахи из Сибири, которую он за один день сумел превратить, почти как в «Служебном романе», из мымыры во вполне приличную леди.

А Митя, который в этот момент как раз переживал разрыв со своей дамой сердца – владелицей сети бистро «Хуторок», – с удовольствием помог своей соседке, стеснительной молодой женщине, которая ничего не понимала в машинах. Зачем, спрашивается, покупать дорогущую машину, если в ней ничего не понимаешь? Наверное, бедняжка выплачивает непомерный кредит, если даже механика хорошего себе позволить не может... Митя пожалел ее, подвез из вежливости и никак не ожидал, что она окажется приятной собеседницей. А потом выяснилось, что она прекрасно готовит... И совсем даже не бедняжка, а очень состоятельная особа. И футболом интересуется. И вкус у нее отменный – такие очки ему подарила, что просто закачаешься. (Очки – это опять же по совету Никиты.) Теперь Тамара частенько обращалась к Никите за советом, и пока он ни разу ее не подвел.

Момент, когда Митя познакомил ее с дочкой, оказался решающим – Тамара и Ксюша мгновенно понравились друг другу. Ксюша пришла в полный восторг от новой папиной знакомой уже при первой встрече. До этого ни одна из его подруг не производила на девочку такого впечатления. Они болтали без умолку, совершенно не замечая Митю, как будто были давно знакомы. Тамара стала приглашать девочку к себе – у нее нашлась и свободная комната

с огромной плазмой во всю стену и навороченным музыкальным центром. Теперь дочка с удовольствием приезжала не столько к отцу, сколько к его новой знакомой, с которой Ксюше всегда было интересно.

Когда Тамара поняла, что Митя и Ксюша для нее стали близкими людьми, она задумалась над тем, как бы поделикатнее познакомить Митю с дядей Леней. Это было очень важно, ведь ближе дяди Лени у нее никого не было. Она наслаждалась каждой минутой общения с Митей: знала все его привычки, баловала дорогими подарками, к которым он так привык, занималась вместе с ним спортом, выполняла все прихоти и, надо признаться, сама себе завидовала. Наконец-то она почувствовала себя счастливой женщиной. Абсолютно счастливой. Только боялась, что дядя Леня не одобрит ее выбора. Митя был честным парнем – он не стал скрывать от нее самые нелюбимые факты своей биографии, связанные с многочисленными романами. Тамара ответила, что ревновать мужчину к его прошлой жизни – удел недалеких женщин. А она себя такой не считает... Она-то не считает, а вот дядя Леня? Он ведь проверит все. И всех. И будет плохо думать о Мите.

Пока она продумывала различные многоходовые комбинации для их как бы случайной встречи, Леонид Сергеевич давно уже навел все необходимые справки. Ему стало известно, что Нечаев Дмитрий, 37 лет от роду, инженер, сотрудник НПО «СевЗапКомплект», разведенный мужчина, имеет 15-летнюю дочь, с которой поддерживает хорошие отношения и помогает финансово. В криминальных структурах не состоит, связей, порочащих профессиональную репутацию, не имеет, а вот в отношении личной жизни... Да уж, тут Леониду Сергеевичу было над чем призадуматься. Шлейф романтических отношений с дамами всех размеров и фасонов был велик. Одних только обманутых мужей насчитывалось с полдюжины. И ведь все люди-то известные. А еще и разведенков сколько было...

Зато избранник был именно таким, о каком Томочка мечтала – красивый, холеный, да и по этому делу, видать, мастак. Настрогает ей миленьких ребятишек, как она и хотела. А если попробует соскочить или как-нибудь ее обидеть, так Леонид Сергеевич ему такой компромат выкатит, что далеко не убежит. Да и куда ему бежать от такой-то женщины? Где же ему еще такую найти? От счастья не бегают.

В отношении дочери покойного Гены Грибаева Леонид Казьмин был необъективен – любил ее, как родную дочь, которой Бог ему так и не послал. Считал ее подарком судьбы, уважал, ценил, боготворил. Ее неприметности, от которой Тамара так страдала, не замечал вовсе. Поэтому с выбором Тамары согласился, вспомнив старую поговорку, перефразированную на новый лад: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось». И стал ждать, когда же Томочка познакомит его со своим избранником.

Это случилось совсем скоро – как только Тамара приобрела билеты до Лимы, столицы Перу, откуда им дальше предстояло лететь в Куско, а затем на поезде добираться до деревеньки Агуас-Кальентес у самого подножия Мачу-Пикчу. Пригласив дядю Леню вечером на чай, она не стала скрывать, что хочет познакомить его со своим новым другом и его дочерью. Леонид Сергеевич был так польщен приглашением и, главное, так искренне удивлен тому, что у Тамары появился мужчина, что Тамара, уверенная, что сделает дяде Лене сюрприз, рассказав про Митю и про поездку в Перу, приняла все за чистую монету...

На самом деле Леонид Сергеевич знал о Митеньке намного больше, чем она сама. Даже то, что они забронировали номер в отеле «Инкатерра Мачу-Пукчу Пуэбло» с видом на бурлящую Урубамбу. Но этого Тамара и предположить не могла.

Волновались перед встречей все – и Тамара, и Митя. Даже Ксюша боялась появления очень важного для Тамары «дяди Лени». Но едва она увидела лысого, здоровенного пенсионера, как две капли воды похожего на их физрука, добрейшего Сан Саныча, все волнение как рукой сняло. Чтобы разрядить обстановку, девочка неловко открыла бутылку «спрайта», облив милого папочку с ног до головы сладкой газировкой. А как только тот ушел переодеваться,

побежала за ним и шепнула: «Папуля, не тушуйся, будь естественней, а то ты смотришь на него, как кролик на удава. Это простой дядька, а не помощник президента. Будь проще».

Мите совет дочери очень помог. Не зря говорят, что устами младенца глаголет истина. И хотя этот чудесный дядя Леня пялился весь вечер на Митю, разглядывая его как картину на выставке, его это уже не смущало. Смотри, смотри, сколько хочешь, дядя Леня, ты же не помощник президента.

Дом, милый дом

«Перуанские гастроли» Мити, Ксюши и Тамары начались на три дня раньше, чем поездка Юли в далекий Сосновск. И к лучшему – Юля могла самостоятельно, без суеты, без дочкиных комментариев собрать все самое необходимое для поездки. В подарок Наталье Величкиной она купила красивый палантин с видами Петербурга, а также несколько сувениров, приобретенных в любимом магазине «Буквоед» с его неподражаемой петербургской тематикой. Хотя кроме милой соседки, которую она к тому же никогда не видела, Тамара никого в Сосновске не знала, ей почему-то казалось, что она обязательно встретит там людей, которым ей захочется что-то подарить на память о себе. Ну и о Петербурге, конечно.

Перед самым отъездом Митя снабдил Юлю вполне реальной суммой – так, на всякий случай, и провел подробный инструктаж: «Наследственные дела – это всегда серьезно. Томочке столько пришлось пережить...» Юля внимательно слушала, не споря с бывшим мужем, хотя и мысленно возражала: «Где грибаевские миллионы, а где мое копеечное наследство?»

В день отъезда, прихватив небольшой чемодан, она с легкой радостью, с какой когда-то в детстве уезжала в пионерский лагерь, села в такси. «Как же здорово, что я лечу в неизвестность, – глядя на мелькавшие за окном петербургские пейзажи, думала Юля. – Что же я в этой неизвестности найду? Чем меня удивит или порадует неизвестный Сосновск?». Состояние легкой дремоты, сквозь которую с трудом пробивался нежный голос бортпроводницы, успокаивало ее расшатанные прошедшими ЕГЭ нервы. Школьные заботы как-то разом отступили, забылись, хотя экзамены закончились всего-то неделю назад. Несмотря на две пересадки, полет в целом прошел нормально. Она успела подремать, помечтать, полюбоваться на пушистые, мягкие, словно ватные, облака. Даже таксист в аэропорту оказался, на ее счастье, не болтливым, и, к тому же, в меру сговорчивым. Всего за три с половиной часа он довез ее от аэропорта до дома номер семь по улице Солнечной в неведомом городе Сосновске.

Городок Юле в целом понравился. Несмотря на то что добираться пришлось по извилистым горным дорогам, она успела подремать в машине, с удивлением отметив, что давно так много и с удовольствием не спала. Хотя, впрочем, давно уже никуда и не летала. При въезде в город Юля с большим интересом разглядывала незатейливый городской пейзаж – невысокие дома, в основном на три-четыре этажа, никаких многоэтажек, множество павильонов и киосков. Удивительно много зелени – буйно разросшихся кустарников, кленов и высоченных серебристых тополей.

Улица Солнечная находилась в центральной части города, в районе застройки 50-х годов прошлого века. Трехэтажные дома, которые не мешало бы покрасить, в целом производили впечатление крепких особнячков, чем-то похожих на те, которые в Ленинграде в послевоенные годы строили пленные немцы. Дом под номером 7 ничем от других не отличался – такого же желтого цвета, с двумя подъездами, перед которыми красовались симпатичные клумбы с нежными анютиными глазками и густо разросшимся лилейником. Пожалуй, эти клумбы были единственным отличием от соседних домов-близнецов.

Квартиры Натальи Евгеньевны Величкиной и Юлиной тетушки, судя по табличке у входа, находились на втором этаже. Никаких домофонов не наблюдалось, и попасть в подъезд труда не составляло. Юля потянулась, было, к массивной ручке двери, как дверь сама распахнулась перед ней и из подъезда стремительно вышел высокий мужчина лет сорока. Он с удивлением посмотрел на незнакомку, а затем посторонился, пропуская ее в подъезд, придержав тяжелую дверь красивой ухоженной рукой с длинными пальцами пианиста.

«Надо же, как повезло, первый увиденный мною мужчина оказался таким приятным. Да что там приятным – просто красавчиком. Добрый знак, Сосновск. Ты мне уже начинаешь нравиться!» – подумала Юля, проводив незнакомца глазами. Она зашла в темный подъезд, огля-

делась – лампочка над входом еле-еле светила, но этого было достаточно, чтобы рассмотреть, что в подъезде довольно чисто, деревянные перила покрыты лаком и не противны на ощупь. Имеется даже пандус для колясок, а в воздухе витает еле заметный, но вполне ощутимый аромат свежей выпечки. Юля поднялась на второй этаж по широкой лестнице, остановилась у нужной ей двери и, недолго раздумывая, решительно нажала на кнопку звонка. Дверь открылась, выпустив наружу ароматное ванильное облако и явив Юлиному взору маленькую хрупкую женщину преклонных лет.

– Здравствуйте, мне нужна Наталья Евгеньевна Величкина.

– Я и есть Величкина Наталья Евгеньевна, – мило улыбнулась старушка, с трудом удерживая массивную дверь, – а вы, вероятно, Юля Нечаева? Как же я рада, что вы приехали. Проходите скорее в комнату, а то меня сквозняком унесет.

Несмотря на очень солидный возраст, Наталья Евгеньевна была невероятно проворной – она забрала у Юли дорожную сумку, закрыла дверь, тут же достала из шкафа тапочки для гостей и повела ее по длинному коридору в просторную гостиную. Мебель привела Юлю в восторг – старинный круглый стол на витой ножке, резные стулья красного дерева, такой же старинный шкаф с резными дверцами. Пожалуй, только мягкий современный диван немного выбивался из общего стиля. Тяжелые величественные портьеры бордового цвета добавляли некоего антикварного шарма этому жилищу, а старинная многоярусная люстра с большим количеством лампочек и хрустальных подвесок оказалась миниатюрной копией знаменитой люстры Мариинского театра.

– Какая у вас необыкновенная обстановка! Такое впечатление, что это не квартира, а музей.

– Пока квартира, – ответила Наталья Евгеньевна, – однако здесь столько всего есть... Можно смело открывать краеведческий музей. Я вам покажу много интересного, но лишь после того как вы отведаете моих булочек и отдохнете.

Отказываться от угощения Юля не стала: с удовольствием съела тарелочку борща, попробовала отменных пельменей ручной лепки и на десерт – ароматных булочек с нежным ванильно-сливочным кремом.

Глядя, с каким аппетитом Юля воздаст должное угощению, Наталья Евгеньевна вся светила от удовольствия.

– У меня давно не было гостей... Мне так приятно, Юля, что вы приехали. Хотя и при столь печальных для меня обстоятельствах. До сих пор никак не могу привыкнуть к тому, что рядом нет Маргариты. Мы столько лет жили с ней по соседству, были большими подругами. Практически стали родными людьми. Она была моложе меня, а вот ведь как случилось – ушла раньше.

Юля удивилась тому, как улыбка преображала лицо ее новой знакомой. Пока Наталья Евгеньевна сидела рядом, наблюдая, как гостя лихо расправляется с борщом и пельмешками, она казалась довольно моложавой дамой средних лет, но едва вспомнила про ушедшую в мир иной подругу, сразу погрузилась. Теперь Юля увидела перед собой совсем другого человека – одинокую печальную старушку.

Однако хозяйка квартиры быстро взяла себя в руки, не позволив печальным воспоминаниям овладеть собой.

– Я договорилась с начальником полиции, чтобы пока не опечатывали квартиру. Сказала, что вы подъедете со дня на день, и я вас познакомлю. Он, знаете ли, мой бывший воспитанник – когда был школьником, ходил ко мне в студию, а теперь вот большой человек, приглядывает за мной, помогает. Когда с Маргаритой все это случилось, квартиру должны были опечатать, но я попросила его, чтобы ничего не трогали, пока вы не приедете. Завещание ему показала. В общем, все сделала, чтобы обойтись без этих бюрократических проволочек.

– Наталья Евгеньевна, спасибо, вы такая заботливая, а ведь мы с вами даже и знакомы не были еще полчаса назад... Я и забыла, как это приятно, когда о тебе кто-то заботится...

– Не поверю, что о такой очаровательной молодой женщине некому заботиться... Впрочем, это не мое дело. Извините, я немного увлеклась. Личная жизнь – это закрытая территория.

– Да закрывать-то особо нечего. С мужем в разводе, мама давно умерла. Заботится обо мне только дочка, насколько это возможно в 15 лет. Да, кстати, если вы хорошо знали мою тетушку, то и с мамой были знакомы?

Наталья Евгеньевна стремительно поднялась со стула, сделав вид, что не расслышала последнего вопроса. «Пойду еще принесу булочек, – сказала она, собирая грязную посуду со стола, – их лучше есть, пока горячие». Она ушла на кухню, а Юля, не успевшая возразить, что булочек на сегодня достаточно, снова принялась разглядывать гостиную.

На этот раз ее внимание привлекли фотографии в рамках, которых было здесь великое множество. Те, что побольше, висели на стене, поменьше – стояли в ряд на шкафу и на подвесных полочках. Юля вспомнила, что так много фотографий она видела в детстве у маминей приятельницы – известной актрисы Большого драматического театра имени Товстоногова. Она обожала ходить в гости к этой актрисе и разглядывать фотографии, которыми были увешаны все стены ее квартиры. Юля узнавала на них известных актеров – Юрия Толубеева, Владислава Стржельчика, Олега Басилашвили, Алису Фрейдлих... Небожителей из незабываемой «Ханумы», «Этого пылкого влюбленного», из старых, добрых спектаклей, которые они с мамой любили пересматривать в записях на старом видеомагнитофоне. Как же давно это было...

Пока хозяйка хлопотала на кухне, Юля разглядывала фотографии. На некоторых, особенно старых, Наталья Евгеньевна была снята в балетных костюмах. Так вот в чем причина ее необыкновенной легкости и грации – она была балериной. На одной из фотографий Наталья Евгеньевна обнимала худенького вихрастого мальчика лет десяти с небольшим, лицо которого показалось ей знакомым. «Я точно видела это лицо, – подумала Юля, вглядываясь в старый черно-белый снимок, – но только где? Эти огромные глаза невозможно спутать с другими... Постой-ка, ну, конечно, это же тот самый мужчина, которого я встретила, когда входила в подъезд. Надо же, как интересно! Надо будет у хозяйки подробнее о нем расспросить».

В день приезда, увлеченная милой беседой с Натальей Евгеньевной, Юля так и не решилась пойти в квартиру своей тетушки, решив отложить это на следующий день. Милейшая женщина, к тому же очень деликатная, все никак не могла начать рассказ о своей подруге Маргарите. «Ну почему мне выпала эта участь – раскрыть бедной девочке семейную тайну? Ну за что мне это?» – терзалась Наталья Евгеньевна; именно ей, после смерти обеих сестер, придется рассказать Юле об отношениях ее матери и тети. И эти отношения были очень непростыми.

Она решила не торопиться, выдержать паузу, а если Юля начнет расспрашивать, тогда уже все ей рассказать. Но гостя, к большой радости хозяйки, заинтересовалась совсем другим человеком. Глядя на фотографии, развешанные по стенам, она указала на снимок, где еще молодая Наталья Евгеньевна стоит с вихрастым мальчиком.

– А с кем это вы обнимаетесь на фото? Мне кажется, нет, я абсолютно уверена, что я встретила этого мальчика, теперь уже мужчину, когда поднималась к вам в квартиру.

– Вполне возможно. Это мой сосед Сережа Калинин.

– Тоже ваш ученик, как и начальник полиции?

– Как раз напротив – мой самый главный любимчик, но при этом абсолютный противник балета и танцев.

– Предпочитает спорт и отрицает все виды искусства? Но с первого взгляда он мне таким не показался...

– В детстве он был задиристым, что называется, ершистым. Маргарита с ним намучилась, а сейчас он очень уважаемый в городе человек.

– Вы имеете в виду мою тетю?

– Ну да. Она была классным руководителем у него и его сестры Анастасии. Они двойняшки. Кстати, я вас обязательно всех познакомлю. Они очень славные ребята, мне как родные.

– Надо же, моя тетя Маргарита тоже была учительницей, как и я. Вы удивительный человек, Наталья Евгеньевна! К вам тянутся все – и стар, и мал. Вот и мне вы уже родной стали...

– В таком маленьком городе, как наш Сосновск, где все друг друга знают, – это нормальное явление.

– А в мегаполисе, как наш Петербург, такого уже нет. Я, например, своих соседей по лестничной клетке в лицо не всех знаю, а по именам – тем более... Живем в каком-то бешеном ритме. А у вас здесь все тихо-мирно.

– Это иллюзия – «тихо-мирно». Сосновск тихим никогда не был, здесь всегда что-нибудь да происходит. И преступления случаются... Вот года полтора назад Сережу Калинина ударили ножом в живот – чудом жив остался. Успел вызвать «скорую», пока сознание не потерял от потери крови. Рану зажал свитером, чтобы кровь остановить. Ох, натерпелись мы тогда...

«Ну вот, опять этот Калинин, – подумала Юля, слушая Наталью Евгеньевну, – я уже заинтригована. Созрела для знакомства».

За разговорами она совсем забыла о том, что обещала позвонить Ксюше и сообщить, как добралась до Сосновска. Но со связью дела обстояли не очень хорошо. Наталья Евгеньевна предложила ей прогуляться, дойти до здания почты, где связь будет лучше, и попробовать уже оттуда дозвониться до своих родных.

– Только лучше всего, Юлечка, пойти сейчас, пока еще не поздно. А то в темное время суток ходить по городу небезопасно.

– Так ведь еще не поздно – шести часов нет.

– У нас темнеет быстро. Лучше пораньше пойти, чтобы я не волновалась. Приезжих у нас в городе не так много, а вот хулиганов хватает. Хотя я тоже могу пойти – и прогуляюсь заодно.

– Покажите мне свой родной и любимый город.

– Мой родной и любимый город, Юлечка, как и ваш, – Ленинград, то есть Санкт-Петербург. Только жить мне там недолго довелось. Сосновск стал моим пристанищем еще в далекие 60-е годы, и с тех пор я уж почти никуда не выезжала... Ладно, не будем о грустном, давай лучше будем собираться.

С этими словами она легко, как птичка колибри, упорхнула в свою комнату. Юля не уставала удивляться походке этой милой хрупкой женщины – балерина она и в старости балерина. Собралась на прогулку по городу хозяйка довольно быстро – переделалась в легкое цветное платье, накинув на плечи только что подаренный ей палантин с видами Петербурга. Когда они вышли на улицу, она завернулась в него и от наслаждения даже прикрыла глаза.

– Какой замечательный подарок! Кажется, сам Петербург обнял меня за плечи... Как бы я хотела вновь пройтись по Невскому, побродить по Летнему саду, посмотреть на любимых импрессионистов в Эрмитаже.

– Это очень просто устроить! Что нам с вами помешает слетать в Петербург? Разберемся с делами и полетим. У меня отпуск большой, я лично буду вас сопровождать. Куда пожелаете, туда и пойдём. А еще у меня дочь Ксюша – большой знаток самых необычных уголков Петербурга. Она нам такую экскурсию организует – будете в восторге, я уверена. Кстати, ваши любимые импрессионисты теперь переехали в здание Главного штаба. Вам обязательно нужно там побывать.

– Спасибо, Юлечка, только я уже стара для таких дальних перелетов. Не судьба, видно. Не судьба... А вот мы уже почти пришли. Вот это серое здание – нам сюда.

Пока Юля разбиралась с телефоном, Наталья Евгеньевна здоровалась с немногочисленными посетителями. Юля вновь подумала о преимуществах жизни в маленьком городе – ты знаешь всех и тебя знают все. Впрочем, не совсем понятно, хорошо это или плохо. В Петербурге в больших многоэтажных домах жильцы своих соседей почти не знают в лицо, большие

дружные коммуналки, в которых люди жили как родственники, давно ушли в прошлое. К счастью, Юле удалось дозвониться, огромная разница во времени не помешала застать путешественников в гостиничном номере. Трубку взяла Тамара:

– Юля, ну как ты добралась до Сосновска?

– Отлично, без проблем и приключений. Наталья Евгеньевна – чудесная женщина, хорошо меня приняла, приготовила много всего вкусного. Сейчас мы с ней пришли на почту, и я наконец-то смогла до вас дозвониться. Только по номеру гостиницы с вами удалось связаться, хорошо, что вы его мне дали. Как устроились?

– Все хорошо, даже отлично! Ксюша с Митей счастливы безмерно. Не поверишь, Ксюша записывает все свои впечатления, ведет «дневник путешественника». Сказала, что старается для тебя. Они уже спят, у нас второй час ночи. Но, если хочешь, я могу ее разбудить...

– Умничка моя. Я уже так соскучилась по ней, но будить не надо. Просто передай утром ей и Мите, что у меня тоже все хорошо. Мы еще не ходили в квартиру тетушки. Займемся всеми делами завтра с утра.

– Если возникнут проблемы, позвони адвокату Дорожкину. Номер на визитке, которую я тебе передала. И запиши мой перуанский номер телефона, пришлось местную симку приобрести, со связью здесь не очень.

Пока Юля искала блокнотик и ручку в сумке, Тамара добавила:

– Ты только будь там поосторожнее. Сосновск – тот еще городок. Мой покойный папа говорил, что этот город еще с царских времен был пристанищем для беглых каторжников, там всегда лихих людей хватало. И с тех пор мало что изменилось...

– Думаю, я их не особенно заинтересую. Но за визитку спасибо. Ксюше передай спасибо за «дневник путешественника». Приеду и обязательно его прочту. Спокойной ночи!

Юля положила трубку с легким сердцем – когда с Ксюшей рядом такая Тамара, о дочери можно не беспокоиться. Наконец-то Митя нашел себе отличную пару. «Может быть, и мне повезет? Когда-нибудь...»

Выйдя с Натальей Евгеньевной из здания почты и телеграфа, Юля столкнулась на крыльце с неприметным парнем в серой толстовке с капюшоном на голове. На нем были темные очки, в уголках рта торчала зубочистка. Тип был невзрачным, к тому же от него несло каким-то едким запахом, похожим на растворитель для краски. Юля шарахнулась от него в сторону и спросила у Натальи Евгеньевны:

– А этот малоприятный юноша не ваш ученик?

– Не припомню такого. Похоже, не местный. К нам сейчас в поисках работы на строительстве коттеджей приезжает много разных людей.

– Давайте пройдемся. Покажите мне самые главные ваши достопримечательности. Памятник Ленину у вас имеется?

– А как же без него? Конечно, имеется. Причем очень приличный. Но главная достопримечательность – это, конечно, наш парк.

Наталья Евгеньевна принялась рассказывать своей гостье историю Сосновска, а Юля с удовольствием слушала ее, вспоминая немногочисленные рассказы отца об этом городе. Отец вспоминал его неохотно, но иногда рассказывал о том, в каком замечательном месте он расположен. Для отца Алтай был священным местом, или как теперь модно выражаться, местом силы. Мама, напротив, никогда ничего не рассказывала о своем детстве, о Сосновске, в котором родилась и выросла. На это у нее были какие-то свои причины, о которых Юле ничего не было известно. Она очень наделась, что чудесная Наталья Евгеньевна посвятит ее в тайны сестер Соболевских, но пока хранила молчание.

Выйдя на главную улицу города, Юля услышала за спиной автомобильный гудок. От неожиданности она подскочила на месте и резко повернулась, чтобы отчитать лихача. Но из окна джипа выглядывал улыбающийся Сергей Калинин, приглашая женщин в машину:

– Сереженька, ты нас напугал. Я как раз рассказывала Юлечке про то, как образовался наш Сосновск.

– Виноват, исправлюсь. Садитесь в машину, я покатаю вас по городу, а вы, Наталья Евгеньевна, продолжите свой рассказ. И я заодно послушаю. Кстати, вы не хотите меня познакомиться с вашей очаровательной спутницей?

– Конечно, хочу. Это Юля Нечаева, племянница Маргариты. Она сегодня прилетела из Петербурга по моей просьбе. Мы ходили звонить ее родственникам. А ты уже освободился?

– Да, сегодня мне повезло. Всего одна операция, поэтому я и уехал пораньше. Так что я совершенно свободен, можете меня использовать в качестве таксиста.

– Почему бы и нет? Если Юля не против.

Юля возражать не стала. Почему не прокатиться на машине по Сосновску, да еще в такой приятной компании.

– Тогда я попрошусь к вам на чашку чая с булочками, еще утром почувствовал их божественный аромат на лестнице. И гостью вашу встретил у подъезда. Все гадал, к кому же приехала незнакомка? А это, оказывается, племянница Маргариты Владимировны. Очень рад знакомству.

Он галантно взял руку Юли и приложился к ней губами. На мгновение Юле показалось, что у нее сейчас остановится сердце. Сергей Калинин был неотразим...

Двое из ларца, одинаковы с лица

Однако вечернего чаепития после автоэкскурсии по Сосновску не получилось. Наталья Евгеньевна только успела включить чайник и поставить на стол роскошное старинное блюдо с булочками, как Сергею позвонили с работы и вызвали на срочную операцию. Он лишь пожал плечами:

– Извините, дамы, труба зовет. Опять обвал в шахте. Привезли двух горняков. Я побежал. Наверное, задержусь на работе на всю ночь. Завтра с утра отосплюсь и к обеду буду у вас. Не возражаете, Наталья Евгеньевна?

– Не возражаем, напротив, будем ждать тебя с нетерпением.

Закрыв за Сергеем дверь, Юля ощутила горькое разочарование. Этот мужчина ей понравился, она была бы не против провести вечер в его компании. Зато она решительно настроилась узнать о нем поподробнее у Натальи Евгеньевны.

За окном уже было темно, свет от старинной люстры создавал самую подходящую обстановку для душевной беседы. Наталья Евгеньевна достала красивый чайный сервиз с чашками на витых ножках, разлила чай с ароматными травами.

– Юля, ты должна попробовать этот чай с алтайскими травами. Мне его привозит знакомая травница. В прошлом, кстати, фельдшер. Представляешь, живет полной отшельницей, не такой, конечно, как Агафья Лыкова, но у нее пасека далеко в горах. Туда практические невозможно добраться... Но какие там необыкновенные места! Просто сказочной, нереальной красоты. Она собирает травы в строго определенное время, потом смешивает в известных только ей пропорциях – и получаются отменные чаи. А мед у нее на высокогорье восхитительный, им ранки можно смазывать, заживляет. Еще у нее есть курочки, коза. Она еще и сыр делает... Раза два-три в год спускается из своего горного пристанища, приезжает в Сосновск за пенсией, меня навещает. Чудесная женщина, кстати, ее зовут Нина Антоновна. Чай у нее просто волшебный – если его пить на ночь, сон будет безупречным. А тебе нужно хорошенько отдохнуть, завтра у нас будет дел невпроворот.

– Согласна, впечатлений мне хватило. Но пока спать совсем не хочется. Мы так мило с вами сидим... У вас в квартире удивительная обстановка. Столько интересных портретов, фотоснимков, уверена, что у каждого из них есть своя интересная история.

– История, конечно, есть. Возможно, интересная, но чаще всего грустная. Очень много в моей жизни было трагических моментов. Я тебе обо всем расскажу, но как-нибудь потом. Лучше ответь мне на один вопрос.

– Спрашивайте. Я готова ответить на любой. У меня от вас нет тайн.

– Юля, тебе понравился Сережа Калинин? Или мне показалось?

Юля опустила глаза, смутившись от такого прямого вопроса.

– Ничего-то от вас не скроешь... Вы не подумайте, что я легкомысленная особа, западающая на любого красивого мужчину. Это вообще не про меня... Но Сергей – это что-то особенное. Как только я увидела его в подъезде, когда шла к вам, у меня что-то внутри оборвалось. Не понимаю, что со мной.

– С тобой все хорошо. Просто у Сережи такая харизма... Не устоять.

– Я учительница, у меня выпускной класс, все внимание забирают ученики и дочка Ксюша. С мужем мы расстались уже давно, но отношения поддерживаем хорошие. Вместе воспитываем дочь, часто встречаемся. Недавно познакомилась с очередной его пассией, милейшая женщина, просто очаровательная. Сейчас они все вместе улетели в Перу, а я вот к вам, в Сосновск. На мужчин ни времени нет, ни сил. Думала, что после Мити – это мой бывший супруг, я окончательно разочаровалась в мужчинах... А тут надо же, первый встреченный мною в Сосновске сразил наповал... Чудеса, да и только.

– Никаких чудес. Это карма, хотя нет, лучше другое слово подойдет – кисмет. Я Сережу знаю с пеленок, как родного сына, которого мне Бог не дал. Он так же, как и ты, слишком занятой человек. На первом месте работа, на втором она же, и на третьем. В его жизни был один неудачный брак. После этого он, похоже, поставил крест на своей личной жизни, у него все очень непросто... Но, увидев тебя, он повел себя по-другому. Даже на мои булочки напросился. Вам необходимо познакомиться. Не надо быть провидицей, чтобы понять – вы удивительно подходите друг другу. И вы оба мне очень нравитесь...

– Кисмет – это судьба, предопределенность? Помню, мы с мамой смотрели фильм с Марлен Дитрих в главной роли. Он именно так и назывался – «Кисмет». Наталья Евгеньевна, мне кажется, вы торопите события. Мы с ним даже познакомиться не успели, а вы уже из нас парочку сделали.

– Напротив, нельзя откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Я слишком поздно это поняла, поэтому многое в своей жизни упустила... Да что это мы все обо мне. Давай я тебе лучше о Сереже расскажу. Он – удивительный человек. Местная достопримечательность, если угодно.

И Наталья Евгеньевна начала свой рассказ, не забывая подливать в чашку Юли чудодейственного чая с алтайскими травками, собранными заботливой Ниной Антоновной.

Родители Сергея и Анастасии приехали в Сосновск в 50-х годах, когда в этом городе началось большое строительство, связанное с запуском Бухтарминской ГЭС. Пыльный горняцкий городок наполнился людьми самых разных профессий. Строительство ГЭС сделало востребованными не только гидростроителей – в городе началась массовая жилищная застройка, за несколько лет была построена огромная ведомственная больница, появилось крупное автопредприятие. Люди приезжали сюда из всех союзных республик Советского Союза, даже из Прибалтики, из Литвы приехали три семьи. Была острая нехватка медицинских работников, учителей, водителей. Родители Сергея приехали из Ленинграда. Скорее, сбежали после «дела врачей-вредителей», которое в Ленинграде тогда набирало обороты. Громкое было дело, «под раздачу» по ложным обвинениям и доносам попадали ни в чем не повинные люди, поэтому многие специалисты решили уехать подальше от невских берегов, чтобы переждать, пересидеть эту напасть где-нибудь на безопасном расстоянии.

Отец Сергея был начинающим хирургом, а мама – анестезиологом, в новой больнице, которая открылась в Сосновске, их приняли с распростертыми объятиями. Отцу предложили должность заведующего травматологическим отделением, и он с энтузиазмом взялся за дело. Через несколько лет у молодой пары родились двойняшки – Сережа и Настя, мама оставила работу, чтобы заниматься детьми и хозяйством. Сначала Калинины жили в частном доме в северной части города, по соседству с больницей, потом они получили большую квартиру в недавно построенном доме за номером семь по Солнечной улице.

Наверное, решающим фактором того, что Калинины осели в далеком Сосновске, расположенном на задворках некогда великой империи, называемой Советский Союз, была манящая, завораживающая красота этих мест. Предгорный Алтай, не самый известный, отрезанный от Большой земли горными петляющими серпантинами, скрытый от крупных автомагистралей... но каждому, кто хоть раз бродил по его укромным уголкам, вдыхал запах душистых трав, он открывался совсем с другой стороны. Удивлял цветущими лугами, окутывал мягкими, теплыми туманами, манил бурными горными реками, обжигающими своей ледящей водой даже в самые знойные летние дни. Особенно Калинины полюбили Бухтарму – другой такой реки, чьи воды берут начало в ледниках красавицы Белухи, потоками кристально чистой, обжигающей воды, устремляющейся вниз, в изумрудную долину, наверное, нет больше нигде в мире. От такой красоты уехать в огромный город, наверное, так же трудно, как перебраться в другую страну. Алтай, если уж пускает тебя в свои заповедные уголки, потом уже не отпустит никогда.

Калинины много работали, дети подросли, пошли в школу. Разговоры о возвращении в Ленинград, поначалу довольно частые, поутихли. Семья окончательно прижилась в маленьком городе Сосновске в предгорном Алтае. Дети ходили в школу, летом с большим удовольствием отдыхали в пионерских лагерях, которых по берегам Бухтарминского водохранилища было не счесть, хорошо учились. Правда, Сережа, в отличие от спокойной и рассудительной Насти, был редким сорванцом. Однако по-другому в городе, населенном рабочим людом с шахт и рудников, проживающих в домах, больше напоминающим бараки, было трудно выжить. Сережа, если приходил домой с фингалом под глазом или в разодранной в драке рубашке, своих обидчиков никогда не сдавал отцу, который пользовался в городе непререкаемым авторитетом. Со своими обидчиками он разбирался сам – кулаками и длинными крепкими ногами, которыми научился выделять такие приемчики в секции карате, что местные дворовые хулиганы от него потихоньку отстали. И к сестре его подходить боялись, несмотря на то что из гадкого утенка к шестнадцати годам она превратилась в девушку редкой красоты.

Внешне брат и сестра были очень похожи, только если Сергей был высоким, плечистым парнем, то Настя, напротив, миниатюрной, худенькой девушкой с косой до пояса и огромными синими глазами, как на картинах художника Ильи Глазунова. Дети были не только похожи друг на друга, но еще и дружны невероятно, в результате чего после популярного мультика «Вовка в Тридевятом царстве» их так и стали звать – «двое из ларца, одинаковы с лица». Везде ходили вместе – в секцию карате и в театральные кружки. Настя рвалась в балетную студию, которую вела их соседка Наталья Евгеньевна, но Сережа, гневно посмотрев на сестру, сказал: «Ты хочешь, чтобы я вышел на сцену нашего Дома культуры в обтягивающем трико?!» Представив брата в балетных лосинах, Настя сразу же отстала от него, но уговорила пойти хотя бы в театральные кружки, найдя нужный аргумент: «Да тебе там играть-то ничего и не надо будет. Репертуар больше на девчонок рассчитан. Ну, может быть, Тимура или кого-нибудь из его команды».

Книги Гайдара Сергей любил, поэтому он согласился на театральные кружки – главное, чтобы не расстраивать сестру. А потом втянулся, даже сыграл роль в спектакле местного Дома культуры «Девочка и апрель» по культовой пьесе Тамары Ян, где в главной роли была Анастасия. С этим спектаклем ребята стали победителями Всесоюзного конкурса народных театров и даже ездили с ним на гастроли по городам и весям Советского Союза. Но увлечение театром было не главным в жизни, когда пришло время выбирать вуз, двойняшки сразу же решили поступать в Новосибирский медицинский институт.

Родители выбор одобрили, хотя отец мечтал, чтобы дети поехали поступать в Ленинград, в 1-й медицинский имени Павлова, который закончили они с матерью. Но Анастасия ни за что не захотела уезжать далеко от родителей. Сергей, как обычно, с сестрой согласился. Поступили в институт оба, несмотря на сумасшедший конкурс, довольно легко. Сергей решил, что будет, как и его отец, хирургом, а Настя выбрала профессию офтальмолога. Студенческая жизнь была ключом, учиться было сложно, но интересно. Так как учились брат с сестрой на разных факультетах, их поселили в разные корпуса общежития. Настя сразу же обзавелась подругами, у Сергея появились новые друзья и увлечения. «Двое из ларца» уже не ходили вместе повсюду, но из вида друг друга не теряли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.